

С О О Б Щ Е Н И Е

## ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

DOI: 10.31857/S086919080003968-1

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ  
«КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КИТАЙСКОЙ ИЕРОГЛИФИКИ»

© 2019

М. Г. ЖАНЦАНОВА<sup>а)</sup>, М. Б.-О. ХАЙДАПОВА<sup>б)</sup>Обе – Восточный институт Бурятского государственного университета,  
Улан-Удэ, Российская Федерация<sup>а)</sup> ORCIDID: <https://orcid.org/0000-0002-0142-2032>; dari9@yandex.ru<sup>б)</sup> ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6847-9789>; khaimarina@yandex.ru

*В статье исследуется история возникновения и последующего употребления термина «культурное пространство китайской иероглифики» (кит. 汉字文化圈 / 漢字文化圈 ханьцзы вэньхуа цюань; яп. 漢字文化圏 кандзи бунка-кэн). Термин был создан японским ученым Камэи Такаси и впоследствии получил распространение за пределами Японии, особенно в Китае, где органично вписался в государственную языковую политику «мягкой силы», способствуя культурной интеграции «иероглифических» стран и укреплению цивилизационного влияния Китая в Азии.*

**Ключевые слова:** термин, китайская иероглифическая письменность, культурное пространство китайской иероглифики, Китай, Япония, цивилизационное влияние.

**Для цитирования:** Жанцанова М. Г., Хайдапова М. Б.-О. К вопросу о термине «культурное пространство китайской иероглифики». *Восток (Oriens)*. 2019. № 1. С. 196–202. DOI: 10.31857/S086919080003968-1

TO THE QUESTION OF THE TERM  
“CULTURAL SPACE OF CHINESE CHARACTERS”

MARINA G. ZHANTSANOVA, MARINA B.-O. KHAIDAPOVA

*The article examines history of the emergence and subsequent use of the term “cultural space of Chinese characters” (Chinese. 汉字文化圈 / 漢字文化圈 Hanzi Wenhua Quan; jap. 漢字文圏 Kanji Bunka-ken). The term was proposed by the Japanese scholar Kamei Takashi and later became widespread outside of Japan, especially in China, where it fit organically into the state language policy of “soft power”, contributing to the cultural integration of “hieroglyphic” countries and strengthening the civilizational influence of China in Asia.*

**Keywords:** term, Chinese characters, “cultural space of Chinese characters”, China, Japan, cultural influence.

**For citation:** Zhantsanova M. G., Khaidapova M. B.-O. To the question of a term “cultural space of Chinese characters”. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 1. Pp. 196–202. DOI: 10.31857/S086919080003968-1

В настоящее время в китайском и японском языках широко используется выражение «культурное пространство китайской иероглифики» (кит. 汉字文化圈 / 漢字文化圈 хань-

цзы вэньхуа цюань; яп. 漢字文化圏 кандзибунка-кэн). Данный термин относится к ряду неологизмов, составленных японцами. Он был создан на рубеже 50–60 гг. XX в. в Японии, а в 1970–1980 гг. проник в Китай. Его автором считается известный японский ученый-лингвист, профессор университета Хитоцубаси Камэи Такаси (亀井孝, 1912–1995).

Внимания заслуживает сама история термина<sup>1</sup>, созданного на японском языке по типу уже существовавших в то время в немецком языке “das Chinesische Schriftzeichen” и “Chinesischer Kulturkreis”. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. японское издательство «Хэйбонся» запустило в производство серию книг из 8 томов «История японского языка», в ходе работы над которой авторы посчитали, что требуется ввести единый термин, способный обозначать «иероглифические» территории Восточной Азии. Главный редактор Камэи Такаси, хорошо владевший немецким языком, вспомнил немецкое “Kulturkreis” и перевел его на японский язык как 文化圏 ‘культура; культурный ареал (круг, пространство, среда, сфера)’. Деление на «культурные сферы» могло проводиться на основе религии, как, например: «христианская культурная среда», «исламская культурная среда». Кроме того, оно могло проводиться также и по территориальному признаку: «индийское культурное пространство», «китайское культурное пространство, синосфера» и т.д. Однако в силу религиозной неоднородности эти территории не представлялось возможным назвать «ареалом буддийской культуры», вместе с тем термин «ареал конфуцианской культуры» тоже не полностью соответствовал действительности. По мнению некоторых ученых, не совсем правильным было бы использование и прямого перевода немецкого выражения “Chinesischer Kulturkreis” («китайское культурное пространство»). После долгих дискуссий по этому вопросу Камэи Такаси предложил ввести термин 漢字文化圏 («культурное пространство китайской иероглифики», «ареал китайской иероглифической культуры»), исходя из того, что использование китайской иероглифической письменности явилось основным общим для этих стран фактором.

Период создания данного термина совпал с началом стремительного экономического развития ряда государств Азии – процесса, названного на Западе «восточноазиатским экономическим чудом». В стремлении понять, чем это чудо объясняется, многие иностранные исследователи стали интересоваться общими закономерностями развития данного региона. В этом контексте были заново переосмыслены система государственных экзаменов *кэцзюй* для отбора должностных лиц, всеобщее понимание важности и престижности образования и стремление к оному в странах Восточной Азии, возрос интерес к конфуцианскому учению и китайскому иероглифическому письму. Исследование причин, обусловивших столь стремительные темпы развития экономики, привело к заключению о том, что ключевым фактором стало широкое распространение всеобщего народного образования [Хэ Цюньсюн, 2001, с. 174].

Так, успех японской модернизации периода Мэйдзи (1868–1912) во многом объяснялся достаточно высоким по меркам того времени уровнем образования простого народа. В предшествующий ему период Эдо (1603–1867) дети крестьян и других непривилегированных слоев общества могли получать начальное образование в так называемых *тэракоя* – школах при буддийских храмах. В них учились в провинции около 30% всех детей, а в столице Эдо этот показатель достигал 86%. Процент грамотных среди мальчиков доходил до 79, а среди девочек составлял 21%, что было значительно выше соответствующих показателей многих европейских стран того времени. И это притом что даже базовый уровень грамотности в иероглифических письменностях со всей очевидностью

<sup>1</sup> История возникновения термина 漢字文化圏 («культурное пространство китайской иероглифики») изложена в монографии «Китайские иероглифы в Японии» китайского лингвиста Хэ Цюньсюна, который записал ее со слов учеников профессора Камэи Такаси во время своей стажировки в университете Хитоцубаси [Хэ Цюньсюн, 2001, с. 173–175].

достигается ценой гораздо больших усилий, чем в алфавитных [Курсье, Насу, 2012, с. 162]. Известный российский японовед А. Н. Мещеряков также считает высокий уровень образования населения одним из ключевых факторов быстрого и успешного освоения Японией достижений западной цивилизации. Он отмечает, что власти Японии стали решать задачу повышения уровня образования простого народа с создания школ, а не университетов, как это обычно делается в развивающихся странах, что обеспечило успех модернизации [Мещеряков, 2010].

\* \* \*

В связи с завершением работы над вторым изданием «Большого японско-китайского словаря» японский книжный магазин «Тайсюкан» начиная с 1985 г. провел серию «Международных симпозиумов стран культурного пространства китайской иероглифики». Так данный термин вышел за пределы Японии. Примерно в 70–80 гг. XX в. термин «культурное пространство китайской иероглифики» стал употребляться в Китае [Хэ Цюньсюн, 2001, с. 174].

Позже был выпущен целый ряд работ, посвященных этому явлению. Так, в 1992 г. был издан сборник материалов вышеуказанных симпозиумов под названием «История и перспективы стран культурного пространства китайской иероглифики» («漢字文化圈の歴史と未来») [Кандзи бунка-кэн-но..., 1992]. К ним же можно отнести монографии Фукуи Фумимаса «Координаты культурного пространства китайской иероглифики» («漢字文化圈の座標») [Фукуи, 2002] и Исикава Кюё «Восточная Азия, которую создали иероглифы» («漢字が作った東アジア») [Исикава, 2007], в которых авторы рассматривают влияние китайской цивилизации и иероглифической письменности на страны Восточной Азии. Если говорить о последних публикациях, то термин «культурное пространство китайской иероглифики» упоминается в одной из статей канадского корееведа Росса Кинга (Ross King) из университета Британской Колумбии, где автор рассматривает проблему соотношения письменного и устного языков в Корее в контексте истории культуры региона Восточной Азии, частью которого является эта страна. В работе, вышедшей в 2015 г., автор отмечает, что в корейском языке существует калька этого термина – *hancha munhwawŏn* 한자문화원 [King Ross, 2015, с. 1–19].

Заметим, что в наши дни термин «культурное пространство китайской иероглифики» понимается гораздо шире, чем задумывался его создателем Камэи Такаси, отказавшимся от слова «Китай» в сочетании с термином «культурная сфера» (中华文化圈 Чжунхуа вэньхуа цюань) и сделавшим акцент на иероглифическом атрибуте. Семантическое поле данного термина часто (хотя и не всегда, на наш взгляд, вполне оправданно) включает помимо иероглифической составляющей также и конфуцианство, и древнекитайское право, и китаизированный буддизм [Не Хунъин, 2008, с. 219], также сыгравшие огромную роль в развитии стран данного региона. Безусловно, ведущим компонентом является иероглифика и в качестве собственно системы письменных знаков, и в качестве множества текстов – носителей конфуцианской традиции, буддийской философской мысли и древнекитайского права.

Необходимо отметить, что история термина сопровождалась и определенными противоречиями. Так, в последние годы жизни Камэи Такаси часто высказывал сожаление по поводу того, что придумал и ввел в научный оборот данное выражение. Он относился к знатному аристократическому роду эпохи Эдо, представители которого из поколения в поколение воспитывались в духе конфуцианской идеологии, но сам Камэи Такаси получил западное образование. Камэи являлся учеником известного японского лингвиста Хасимото Синкичи, который внес огромный вклад в развитие японской фонологии и считался центральной фигурой в послевоенном движении за фонетизацию японской пись-

менности. Поэтому, по иронии судьбы, введенный имтермин, делавший упор на иероглифическую письменность и подчеркивавший ее важность для истории региона, противоречил идеологии фонетической школы, приверженцем которой он сам являлся.

Отметим, что термин «культурное пространство китайской иероглифики», изначально созданный для обозначения территорий Восточной Азии, где использовалась китайская иероглифическая письменность, в дальнейшем получил особенно широкое распространение в Китае. Возможно, причину этой популярности можно объяснить тем, что в наши дни данный термин весьма удачно вписывается в языковую политику КНР по распространению китайского языка в мире, и в частности в сопредельных странах, прежде всего таких, как Япония и Корея, а также Вьетнам, Сингапур и др.

В многочисленных работах по методике обучения китайскому языку данное выражение часто встречается при описании дифференцированного подхода к обучению китайскому письму представителей стран «иероглифического культурного пространства», с одной стороны, и тех, кто не имеет исторической и генетической связи с китайской иероглифической культурной традицией – с другой [Хуан Цзиньчжан, Лю Янь, 2004, с. 161–164; Чжао Цзиньмин, 2004, с. 413–435 и др.].

Заметным событием 2015 г. стал созданный по инициативе ректора Китайского народного университета профессора Цзи Баочэна (纪宝成) «Список 808 общих для Китая, Японии и Кореи наиболее часто употребляемых иероглифов» («中日韩常用共同汉字表»). Он был разработан на основе китайского «Списка часто употребляемых иероглифов современного китайского языка» («现代汉语常用字表»), японского «Списка часто употребляемых иероглифов» («常用漢字表»), корейского «Списка основных иероглифов, использующихся в образовании» («教育用基础汉字表»). Список состоит из двух частей – общего списка из 808 иероглифов и сравнительного списка, где сопоставляются начертания китайских, японских и корейских иероглифов. Из 808 иероглифов примерно 540 знаков пишутся одинаково во всех трех странах, более 200 иероглифов различаются традиционным и упрощенным начертанием. Данный проект получил поддержку в Корее, где иероглифы этого списка были написаны известными мастерами и представлены в музее каллиграфии, в Японии этот список был презентован в газетах и Интернете [Чжун жи хань..., 2015]. Таким образом, китайские ученые делают акцент на общности истории иероглифической культуры в Китае, Японии и Корее, называя иероглифы общим достоянием стран с иероглифической культурной традицией.

Одним из общих мероприятий нескольких стран иероглифического ареала Азии является проводимый в конце года выбор иероглифа года, по мнению широкой общественности, обобщенно резюмирующего жизнь страны за прошедший год. Это мероприятие впервые было проведено в 1995 г. в Японии, в XXI в. ежегодно организуется в Японии, Сингапуре, Малайзии и, разумеется, в континентальном Китае и на Тайване. Например, по итогам 2016 г. в Японии иероглифом года выбран иероглиф 金 *цзинь* ‘металл, золото’, в Малайзии – иероглиф 贪 *тань* ‘страстно желать, жаждать’, в Сингапуре – иероглиф 忧 *ю* ‘печали, заботы’, на Тайване – иероглиф 苦 *ку* ‘мучиться, страдать’. С 2008 г. средствами массовой информации КНР и Тайваня совместно проводится голосование под названием «Выборы иероглифа года на двух берегах [Тайваньского] пролива» (海峡两岸年度汉字评选 *хайся лян ань няньду ханьцзы пинсюань*), которое считается одним из наиболее массовых культурных мероприятий с участием жителей материкового Китая и Тайваня. В 2016 г. в финальном голосовании приняло участие более 7 млн человек, по итогам которого из сорока иероглифов наибольшее число голосов получил иероглиф 变 *бянь* ‘перемены’ [Дяо Яньбинь, 2016].

В Республике Корея, где в голосовании принимают участие профессора университетов страны, выбирают не иероглиф года, а четырехсложное устойчивое выражение – *чэньюй* года. В конце 2016 г. наибольшее число голосов получил чэньюй «君舟民水» (*Цзюнь чжоу минь шуй*, букв. «Правитель – лодка, народ – вода») [Дяо Яньбинь, 2016]. Строго говоря, это не совсем чэньюй, а ставшая афоризмом цитата известного древнекитайского философа Сюнь-цзы (荀子) из трактата «Сюнь-цзы»: «Правителя можно сравнить с лодкой, а народ – с водой: вода может нести лодку, а может ее и опрокинуть». Очевидно, в данном выборе отразилось главное политическое событие года – скандал вокруг ныне уже отстраненной от власти президента Южной Кореи Пак Кын Хе, которой в конце 2016 г. депутаты парламента страны объявили импичмент.

Как отмечает директор исследовательского института современного китайского языка Пекинского педагогического университета профессор колледжа гуманитарных наук Дяо Яньбинь 刁晏斌, подобные мероприятия имеют большое социально-политическое значение, поскольку позволяют следить за общественными настроениями и своевременно реагировать, принимая соответствующие меры по снижению социальной нестабильности и недовольства народных масс, поддерживать общественный баланс и гармонию [Дяо Яньбинь, 2016]. Однако, заметим, что звучит это не очень убедительно, поскольку вызывает сомнения репрезентативность выборки мероприятия, где в одном случае (Республика Корея) участвуют профессора, а в другом (КНР и Тайвань) – полпроцента населения.

Китайский лингвист Ван Минь на основе исторического экскурса подчеркивает важную роль общей письменности для взаимного культурного обогащения: «При встрече основанных на логике китайских иероглифов с эмоционально восприимчивой культурой Японии произошла химическая реакция. Этот процесс не был простой борьбой противоположностей. Образовалась взаимосвязь на основе взаимной симпатии, произошли взаимопроникновение и гармонизация» [Ван Минь, 2012].

В одном из томов своей «Истории японского языка» Камэи Такаси называет Японию «последним оплотом иероглифической письменности» (цит. по: [Танака, 2011, с. 209]), имея в виду то, что она стала последней страной, которая, заимствовав изначально чужеродную для нее иероглифическую письменность, сохраняла ее на протяжении пятнадцати веков и использует до сегодняшнего дня (в то время как Корея и Вьетнам отказались от иероглифики в пользу алфавита). Между тем в XVI в. у Японии была историческая возможность перейти на другой вид письменности. Начиная с середины XVI в. в стране появились первые европейские миссионеры, среди которых был знаменитый Франциск Ксавье. По мере распространения и роста популярности христианства, а именно католичества, в Японии стали печататься книги (в основном религиозного характера), в которых японский текст записывался по фонетическому принципу латинскими буквами. Об этих изданиях христианских миссионеров, которые вначале выполнялись латиницей и только позже – смешанной с иероглифами азбуками хираганой и катаканой, подробно пишет В. Н. Горегляд [Горегляд, 2001, с. 380]. По мнению известного японского лингвиста, профессора Танаки Кацухико, в понятии «культурное пространство китайской иероглифики» (漢字文化圏), введенном его коллегой, кроется противопоставление «иероглифической цивилизации» качественно иной цивилизации, построенной на латинском письме [Танака, 2011, с. 110].

\* \* \*

Таким образом, термин «культурное пространство китайской иероглифики», зародившись в середине XX в. в Японии, получил широкое распространение в Китае и других «иероглифических» странах, обозначив цивилизационную общность стран иероглифического ареала Восточной и Юго-Восточной Азии. Китай, сохранивший иероглифическую пись-

менность в качестве кода культурной трансляции, в настоящее время успешно использует его как средство межкультурной коммуникации между странами, владеющими этим кодом, и как действенный инструмент в проведении своей геополитики.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ван Минь. *Чунсинь сыкао дунъя ханьцзы вэньхуа цюань* (Переосмысление культуры иероглифического письма в Восточной Азии). Ч. 2. 2012.05.15. 王敏. 重新思考東亞漢字文化圈 [Part 2]. (2012 年 5 月 15 日). – <https://www.nippon.com/hk/column/g00030/> (на кит. яз.).

Горегляд В. Н. *Японская литература VII–XVI вв.: начало и развитие традиций*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 400 с.

Дяо Яньбинь. Ханьцзы дэ няньду шэньян – 2016 ханьцзы вэньхуа цюань няньду ханьцзы пинсюань цзунлань (Ежегодное пиршество китайских иероглифов – обзор иероглифов 2016 года в странах культурного пространства китайской иероглифики). *Гуанмин жибао*. (2016.12.29). 刁晏斌. 汉字的年度盛宴–2016 汉字文化圈年度汉字评选纵览. 光明日报. (2016 年 12 月 29 日). – [http://news.xinhuanet.com/book/2016-12/29/c\\_129424959.htm](http://news.xinhuanet.com/book/2016-12/29/c_129424959.htm) (на кит. яз.).

Завьялова О. И. Иероглифическая письменность. *Духовная культура Китая*. Т. 3. М.: Восточная литература, 2008. С. 662–664.

Исикава Кюё. *Кандзи га цукутта Хигаси Азия (Восточная Азия, которую создали иероглифы)*. Токио: Тикума сёбо, 2007. 石川九楊「漢字が作った東アジア」東京: 筑摩書房, 2007 (на яп. яз.).

*Кандзи бунка-кэн-но рэкиси то мирай (История и перспективы стран культурного пространства китайской иероглифики)*. Под ред. Мидзогучи Юдзо. Токио: Тайсюкан сётэн, 1992. 「漢字文化圈の歴史と未来」、溝口雄三編、東京: 大修館書店, 1992 (на яп. яз.).

Мещеряков А. Модернизационный опыт Японии. *Знание – сила*. 2010. № 10. – [http://www.znaniye-sila.ru/?issue=articles/issue\\_1613.html&r=1](http://www.znaniye-sila.ru/?issue=articles/issue_1613.html&r=1)

Не Хуньин, Сунь Юньэнь. Ханьцзы цзай дунъя вэньхуа цюань дэ фусин юй дивэй (Возрождение и статус китайских иероглифов в культурном пространстве Восточной Азии). *Дунбэй шида сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань)*. 2008. № 6. С. 219–223. 聂鸿英, 孙永恩. 汉字在东亚文化圈的复兴与地位. 东北师大学报 (哲学社会科学版), 2008(6): 219–223 (на кит. яз.).

Танака Кацукико. *Кандзи-ва нихонго-о хоробосу (Иероглифы погубят японский язык)*. Токио: Кадокава SSC синсё, 2011. 田中勝彦「漢字が日本語をほろぼす」. 東京: 角川 S S C 新書, 2011 (на яп. яз.).

Фукуи Фумимаса. *Кандзи бунка-кэн-но дзахё (Координаты культурного пространства китайской иероглифики)*. Токио: Гоё сёбо, Мэйтоку сюпанся, 2002. 福井文雅「漢字文化圈の座標」、五曜書房. 東京: 明德出版社, 2002 (на яп. яз.).

Хуан Цзиньчжан, Лю Янь. *Дуйвай ханьйюй цзяосюэ чжун дэ лилун хэ фанфа (Теория и методика преподавания китайского языка как иностранного)*. Бэйцзин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2004. 黄锦章, 刘焱. 对外汉语教学中的理论和方法. 北京: 北京大学出版社, 2004 (на кит. яз.).

Хэ Цюньсюн. *Ханьцзы цзай Жибэнь (Китайские иероглифы в Японии)*. Гонконг: Шаньу иньшугуань, 2001. 何群雄. 汉字在日本. 香港: 商務印書館, 2001 (на кит. яз.).

Чжао Цзиньмин. *Дуйвай ханьйюй цзяосюэ гайлунь (Очерки по преподаванию китайского языка как иностранного)*. Бэйцзин: Шаньу иньшугуань, 2004. 赵金铭. 对外汉语教学概论. 北京: 商务印书馆, 2004 (на кит. яз.).

Чжун жи хань гунтун 808 гэ ханьцзы (808 общих для Китая, Японии и Кореи иероглифов). *Чжунго чжунъян дяньшитай чжунвэнь гоцзи пиньдао (CCTV-4) дэ «Хуажэнь шицзе» цзачжисин ланьму*. 中日韩共通 808 个汉字. 中国中央电视台中文国际频道 (CCTV-4) 的《华人世界》杂志型栏目 (Программа «Китайский мир» международного канала на китайском языке Центрального телевидения Китая). (2015.01.23) – [https://www.youtube.com/watch?v=eQIBhd\\_jkB8](https://www.youtube.com/watch?v=eQIBhd_jkB8) (на кит. яз.).

Courcier Ikumi, Nasu Masahiro. *Personalized learning in Japan (Индивидуальное образование в Японии)*. *Personalization of Education in Contexts*. Rotterdam–Boston–Taipei: Sense Publishers, 2012.

King Ross. Ditching “Diglossia”: Describing Ecologies of the Spoken and Inscribed in Pre-modern Korea. *Sungkyun Journal of East Asian Studies*. Sungkyunkwan University (Издательство университета Сонгюнган), Vol. 15. No. 1. 2015. Pp. 1–19.

## REFERENCES

- Courcier Ikumi, Nasu Masahiro. *Personalized learning in Japan. Personalization of Education in Contexts*. Rotterdam–Boston–Taipei: Sense Publishers, 2012 (in English).
- Diao Yanbin. *Hanzi de niandu shengyan* – 2016 hanzi wenhua quan niandu hanzi pingxuan zonglan (Annual Feast of Chinese characters – overview of the Character-2016 in Chinese characters culture sphere). Guangming ribao. (2016.12.29). – [http://news.xinhuanet.com/book/2016-12/29/c\\_129424959.htm](http://news.xinhuanet.com/book/2016-12/29/c_129424959.htm) (in Chinese).
- Fukui Fumimasa. *Kanji-bunkaken no zahyo (Coordinates of kanji-bunkaken)*. Tokyo: Goyo Shobo: Meitoku Shuppansha, 2002 (in Japanese).
- Goregliad V.N. *Iaponskaia literatura VIII–XVI vv.: nachalo i razvitie traditsii (Japanese literature of VIII–XVI centuries. Unfolding of the tradition)*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2001 (in Russian).
- He Qunxiong. *Hanzi zai Riben (Chinese Characters in Japan)*. Xianggang: Shangwu yinshuguan, 2001 (in Chinese).
- Huang Jinzhang, Liu Yan. *Duiwai hanyu jiaoxue zhong de lilun he fangfa (Theory and methods in teaching Chinese as a foreign language)*. Beijing: Beijing daxue chubanshe, 2004 (in Chinese).
- Ishikawa Kyuyo. *Kanji ga tsukutta Higashi Ajia (The East Asia created by kanji)*. Tokyo: Chikuma Shobo, 2007 (in Japanese).
- Kanji-bunkaken no rekishi to mirai (The History and Future of kanji-bunkaken)*. Yuzo Mizoguchi [and others] Tokyo: Taishukan Shoten, 1992 (in Japanese).
- Meshcheriakov A. *Modernizatsionnyi opyt Iaponii (The Modernization's experience of Japan) Znanie – sila*. 2010. № 10. – [http://www.znanie-sila.ru/?issue=articles/issue\\_1613.html&r=1](http://www.znanie-sila.ru/?issue=articles/issue_1613.html&r=1) (in Russian).
- Nie Hongying, Sun Yong'en. *Hanzi zai dongya wenhua quan de fuxing yu diwei (The renaissance and status of Chinese Characters in the East Asian Cultural Circle)*. *Dongbei shida xuebao (zhexue shehui kexue ban)*. 2008. No. 6. Pp. 219–223 (in Chinese).
- Ross King. Ditching “Diglossia”: Describing Ecologies of the Spoken and Inscribed in Pre-modern Korea. *Sungkyun Journal of East Asian Studies*. Sungkyunkwan University. 2015. Vol. 15. No. 1. Pp. 1–19 (in English).
- Tanaka Katsuhiko. *Kanji wa nihongo-wo horobosu. (Kanji destroy the Japanese)* Tokyo: Kadokawa SSC sinsyou, 2011 (in Japanese).
- Wang Min. Chongxin sikao dongya hanzi wenhua quan (Part 2) (“Chinese” Writing in East Asia (Part Two)). (2012.05.15). – <https://www.nippon.com/hk/column/g00030/> (in Chinese).
- Zav'ialova O. I. *Ieroglificheskaya pis'mennost' (Hieroglyphic writing)*. *Dukhovnaia kul'tura Kitaia*. Vol. 3. Moscow: Vostochnaia literatura, 2008. Pp. 662–664 (in Russian).
- Zhao Jiming. *Duiwai hanyu jiaoxue gailun (Introduction to Teaching Chinese as a Foreign Language)*. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2004 (in Chinese).
- Zhong ri han gongtong 808 ge hanzi (808 common Chinese characters in China, Japan and South Korea). *Zhongguo zhongyang dianshitai zhongwen guoji pindao (CCTV-4) de “Huaren shijie” zazhixing lanmu*. (2015.01.23). – [https://www.youtube.com/watch?v=eQIBhd\\_jkB8](https://www.youtube.com/watch?v=eQIBhd_jkB8) (in Chinese).

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

|                                                                                                                                                                                                        |                                                                                                                                                                                          |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| <p>ЖАНЦАНОВА Марина Георгиевна – кандидат культурологии, доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока Восточного института Бурятского государственного университета, Улан-Удэ, Россия.</p>          | <p>Marina ZHANTSANOVA – PhD (Culturology), Associate professor at Department of Far East countries Philology, Oriental Studies Institute, Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.</p> |
| <p>ХАЙДАПОВА Марина Бато-Очировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока Восточного института Бурятского государственного университета, Улан-Удэ, Россия.</p> | <p>Marina KHAIDAPOVA – PhD (Philology), Associate professor at Department of Far East countries Philology, Oriental Studies Institute, Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.</p>    |